

Археологический СБОРНИК

Гнёздово
125 лет исследования памятника

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В.В.Мурашева

Москва
2001

С.А. Авдусина, Н.В. Ениосова

ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ ГНЁЗДОВА *

Фибулы различной конструкции, судя по количеству находок, были распространены принадлежностью костюма жителей Гнёздова. Подковообразные фибулы – самая многочисленная группа украшений этой категории, насчитывающая 145 экземпляров. Из них 106 – изделия из меди, латуни и серебра, 39 – из железа. Следует отметить, что фибулы из медных сплавов и серебра, в отличие от железных, исследованы более полно: все они обследованы с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10, для 14 образцов выполнен спектральный анализ состава металла, три фибулы изучены металлографически в лаборатории структурного анализа исторического факультета МГУ**.

По форме концов-головок фибулы разделены на четыре группы: спиралеконечные (I); с

головками в виде многогранников (II); с воронковидными головками (III); с зооморфными головками (IV). Внутри групп фибулы распределены по видам с учетом таких конструктивных признаков, как размеры, строение рамки, особенности формы головок. Кроме этого важным элементом для составления классификации подковообразных фибул является такой видообразующий признак, как форма сечения дуги. Оно может быть: 1 – круглое, 2 – овальное, 3 – полукруглое, 4 – ромбическое, 5 – прямоугольное, 6 – треугольное, 7 – шестигранное, 8 – трапецевидное, 9 – фигурное (тордированный прут), 10 – чечевицеобразное, 11 – неопределенное. В табл. 1 содержатся данные о количественном распределении гнёздовских подковообразных застёжек по группам и видам.

Спиралеконечные фибулы (группа I). Маленькие спиралеконечные фибулы (диаметр 15–25

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 00-01-00276).

** Анализ химического состава металла выполнен А.А.Коноваловым и А.Ф.Дубровиным, структура металла фибул изучена под руководством Н.В.Рындиной.

Таблица 1

Количественное распределение подковообразных фибул из Гнёздова по группам и видам

Группы и виды	Видообразующие признаки											Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
I. Спиралеконечные:												
I.1. Проволочные*	31	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	31
I.2. Дротовые**	3	–	–	43	2	4	1	–	4	1	9	69
II. С головками в виде многогранников:												
II.1. С гладкой дугой	–	–	–	2	–	–	4	–	–	4	4	14
II.2. С многогранными разграничителями на дуге	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	3
II.3. С уплощенной граненой головкой с шипами	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
III. С воронковидными головками:												
III.1. В виде усеченной перевернутой пирамиды	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	2
III.2. В виде усеченной перевернутой пирамиды с вогнутыми сторонами	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
IV. С зооморфными головками:												
IV.1. Дротовые	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Неопределенной группы	1	1	1	5	–	1	1	–	2	–	4	16
Иглы	1	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7
Итого	36	7	2	50	2	5	8	4	6	5	18	145

* Фибулы из волоченой проволоки.

** Фибулы из литой заготовки в виде прямого стержня.

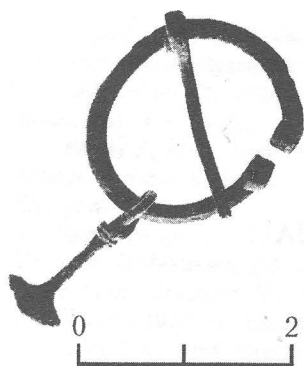

Рис. 1. Маленькая проволочная спиралеконечная подковообразная медная фибула с молоточком Тора (раскопки Т.А.Пушкиной. Музей МГУ. Гн-73, ЦГ-VII/175)

мм) чаще всего сделаны из круглой тонкой волоченой проволоки диаметром 1–3 мм (рис.1)*. Размер изделия и характер заготовки позволяли применять крайне простую технику изготовления. У проволочного отрезка расплющивали концы и закручивали их на 1–2 оборота. Иглу делали из более короткого отрезка проволоки. Все операции проводили в холодную, с небольшой степенью обжарки

металла. На некоторых экземплярах сохранились следы оловянного покрытия – лужения.

Большая часть изделий этого типа изготовлена из медных сплавов. Три экземпляра – серебряные фибулы с гладкой или рубчатой проволочной дугой круглого сечения (рис. 2).

Проволочные спиралеконечные фибулы, диаметр которых не превышает 30 мм, хорошо известны по материалам поселения и некрополя Бирки (Thålin, 1984. S. 15). На Рюриковом городище найдено 6 маленьких фибул (диаметр 20–40 мм) с круглым сечением дуги (Хвоцинская, 1999. С. 45–46). Один экземпляр маленькой проволочной застёжки обнаружен в Шестовицком могильнике (курган 78) (Блифельд, 1977. С. 211. Табл. XXII, 1).

Распространение маленьких подковообразных фибул из серебра практически ограничивается Биркой. И.Янссон полагает, что на Рюриковом городище найден экземпляр редкого типа из серебряной рубчатой проволоки (Янссон, 1999. С. 25). Н.В.Хвоцинская относит эту же фибулу к свинцово-оловянным изделиям, выполненным в технике филиграни (Хвоцинская, 1999. С. 45).

Для производства фибул среднего размера (диаметр 35–40 мм) применяли более сложный и разнообразный набор операций. Большая часть украшений получена путем проковки литой заготовки в виде прямого стержня. Иногда на внутренней части дуги сохраняется литейный шов. Деформация состояла из расплющивания и сворачивания в спираль концов заготовки, а также ее изгибания на оправке округлого профиля.

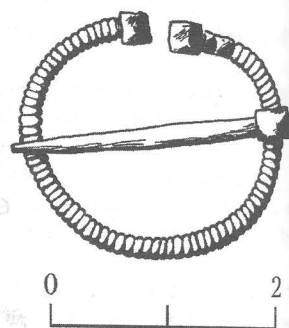

Рис. 2. Маленькая спиралеконечная фибула из серебряной рубчатой проволоки (Западное селище, раскопки И.И.Ляпушкина, 1971. ОИПК ГЭ. 1438)

* Фотографии подковообразных фибул выполнены С.А. Орловым. Здесь и далее в статье приняты следующие сокращения названий памятников: ВС – Восточное селище, Гн – Гнёздово, ГС – Гнёздовское селище, Л – Лесная группа курганов, Польш – Правобережная Ольшанская группа курганов, Серг. – Курганы из раскопок С.И.Сергеева, ЦГ – Центральное городище, Ц – Центральная группа курганов.

Химический состав металла подковообразных фибул из Гнёздова

Таблица 2

Номер анализа	Фибула-подкова. Название элемента	Паспорт: место и год находки	Cu	Sn	Pb	Zn	
760	Головка	Гн-70, ГС-3/80	92,9568	0,08	0,38	6	
743	Игла	Гн-70, ГС-3/1150	98,295	0,11	0,4	1	
740	Дуга	Гн-72, ВС-4/ 27	93,647	0,017	1,45	4,8	
741	Игла	Гн-72, ВС-4/27	94,27	0,015	1,25	4,3	
739	Игла	Гн-72, ВС-4/40	95,5386	0,11	1,6	2,7	
748	Дуга	Гн-72, ВС-4/47	95,6031	0,27	1,1	3	
750	Игла	Гн-71, ГС-VI/352	92,8884	0,19	2	4,8	
753	Дуга	Гн-71, ЦГ/29	93,0592	0,003	3,1	3,8	
767	Дуга	Гн-72, ЦГ-VI/10	93,7166	0,21	1,2	4,8	
742	Дуга	Гн-70, ГС-3/114	96,02	0,4	2,2	1,2	
2827	Дуга	Гн-80, Польш-64/111	100% Ag				
1	Дуга	Гн-78, Ц-255/137	95,867	0,08	1	3	
44	Игла железной фибулы	Гн-76, Ц-191/336	95,577	0,2	1	3	
2603	Дуга	Гн-80, Польш-64/106	81,295	1	10	7	
121	Игла	Гн-70, ГС-3/115	98,448	0,2	0,5	0,8	

Рис. 3. Фибула подковообразная спиралеконечная (раскопки Т.А.Пушкиной. Музей МГУ. Гн-71, ЦГ/29)

Как показало изучение структуры металла, все кузнечные операции велись в холодную и сопровождались промежуточными отжигами металла (рис. 3, 4). Следует отметить, что на средних фибулах нет гравированного или пуансонного орнамента.

Изучен химический состав металла 8 средних фибул, 7 из кото-

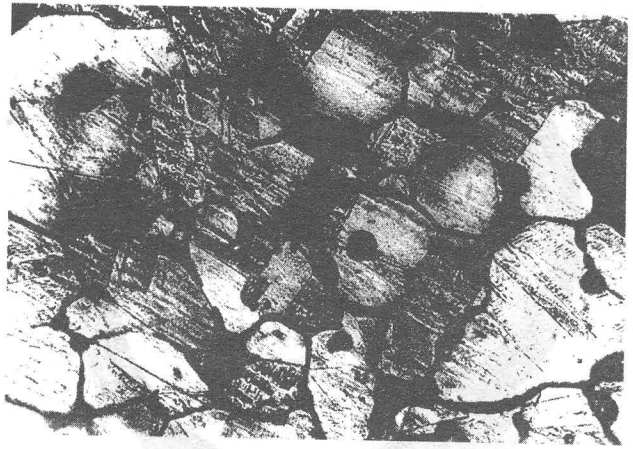

Рис. 6. Крупная полиэдрическая разномерная структура на фоне вытянутых дендритов свидетельствует о высокой степени обжатия металла исходной литой заготовки (анализ 2802, увелич. 340). Состав сплава: Cu – основа, Sn – 0,21, Pb – 1,2, Zn – 4,8% (табл. 2, 767)

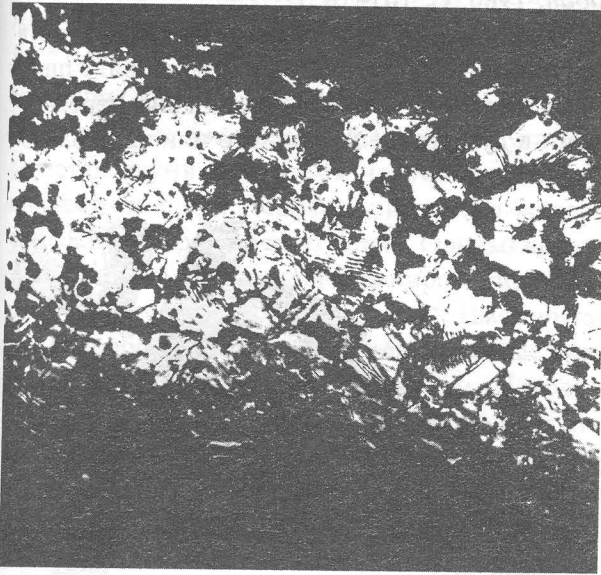

Рис. 4. Полиэдрическая структура металла с остаточными дендритами (извилистые включения свинца), указывающая на литье и холодную формирующую ковку (анализ 2801, увелич. 120). Состав сплава: Cu – основа, Sn – 0,003, Pb – 3,1, Zn – 3,8% (табл. 2, 753)

рых выполнены из свинцовой и двойной латуни, 1 – из серебра (табл. 2, 760, 743, 740, 741, 2603, 1, 767, 2827).

Спиралеконечные фибулы с дугой равномерно круглого сечения по всей длине, с длинной изогнутой иглой, с узким основанием широко распространены в северо-западной и северо-восточной Руси в X–XI вв. (Мальм, 1967. С. 152).

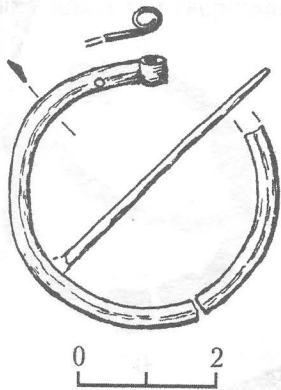

Рис. 5. Спиралеконечная фибула из тонкой пластинчатой заготовки, возможно, вторичное использование серповидного височного кольца (раскопки Т.А.Пушкиной. Музей МГУ. Гн-72, ЦГ-VI/10)

Они встречаются и в смоленско-полоцких длинных курганах (Енуков, 1990. С. 67). В Днепровском Левобережье спиралеконечные фибулы найдены на поселении Горбово. Примечательно, что среди отходов ювелирного производства этого памятника обнаружены заготовки для изготовления застежек-подковок (Григорьев, 1990. С. 53).

Единственная спиралеконечная фибула с дугой плоского сечения получена при помощи холодной деформации из литой заготовки (рис. 5, 6). Ее края неровно обрезаны по контуру, спираль-головка свернута в один оборот. Создается впечатление неумелой переделки из другого изделия, например пластинчатого височного кольца – украшения культуры смоленских длинных курганов.

Большие спиралеконечные фибулы (диаметр 60–70 мм) сделаны по той же технологической схеме, что и средние. Отличительная черта этого типа изделий – чеканный или гравированный орнамент, нанесенный на дуги, а иногда на спиральные, свернутые в три оборота окончания. На некоторых экземплярах хорошо заметны тонкие бороздки, расположенные строго параллельно контуру дуги на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 7). Из этого наблюдения следуют два вывода. Во-первых, бороздки нанесены на прямую заготовку и раскованные концы фибулы до их изгибания. Во-вторых, параллельные, тонкие углубленные линии могли появиться на металлической поверхности с помощью инструмента, похожего по конструкции с зубчатым колесиком. В современных ювелирных руководствах приводится изображение предмета с двумя подвижными гладкими дисками на шарнире (рис. 8) (Untracht,

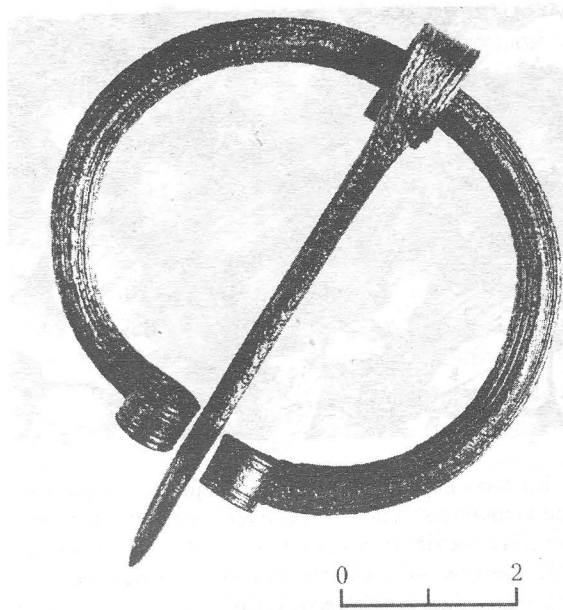

Рис. 7. Большая подковообразная фибула, орнаментированная параллельными бороздками (раскопки Д.А.Авдусина. Музей МГУ. Гн-78, Ц-249/112)

1975. Р. 34. Fig. 8). Можно предположить, что в арсенале ювелиров X в., помимо зубчатого, было также «гладкое» двойное колесико, оставляющее равномерные параллельные бороздки.

Изгибание больших фибул на оправке требовало сильной деформации. На оборотной стороне некоторых экземпляров различимы трещины краснотности, свидетельствующие о горячем режиме проведения этой операции (рис. 9). Высокое содержание свинца в составе металла больших застёжек — основная причина появления кузнечного брака.

Большие спиралеконечные фибулы ромбического, прямоугольного и трапециевидного сечения обнаружены в Михайловском и Тимеревском могильниках, владимирских и приладожских курганах. В Новгороде, Старой Ладогe, Сарском и Рюриковом городищах они обнаружены в слоях X в. (Мальм, 1967. С. 155–156; Седова, 1981.

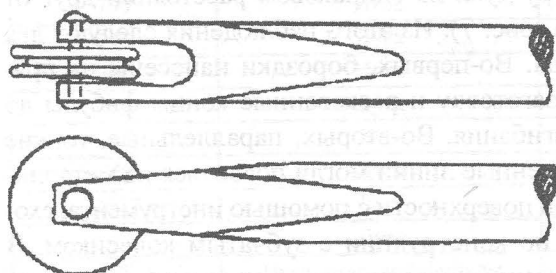

Рис. 8. Гладкое колесико — современный инструмент для нанесения параллельных врезанных линий (Untracht, 1987. Р. 34)

С. 84; Носов, 1990. С. 123; Леонтьев, 1996. Рис. 72). Они широко распространены в Прибалтике, Финляндии и Скандинавии (Вайткунскене, 1980. С. 463; Шноре, 1961. Табл. III, 1-2, 4-6, 8, 12, 26; Salmo, 1956. S. 19–20; Petersen, 1928. S. 172; Thålin, 1984. S. 16, Capelle; 1968. Taf. 26, 4). Согласно мнению Х.Сальмо, самые ранние подковообразные фибулы со спиральными концами появились в Прибалтике под влиянием поздне-римских украшений в первые века новой эры. В эпоху позднего Венделя (VIII в.) они попали в Скандинавию и на Северо-Запад Руси. В Старой Ладогe самая ранняя находка происходит из горизонта Е3 (середина VIII — середина IX в.) (Давидан, 1980. С. 101–102).

Фибулы с многогранными головками (группа II). Застежки с головками в виде пирамиды с усеченными углами, плавно переходящими в дугу трапециевидного или треугольно-

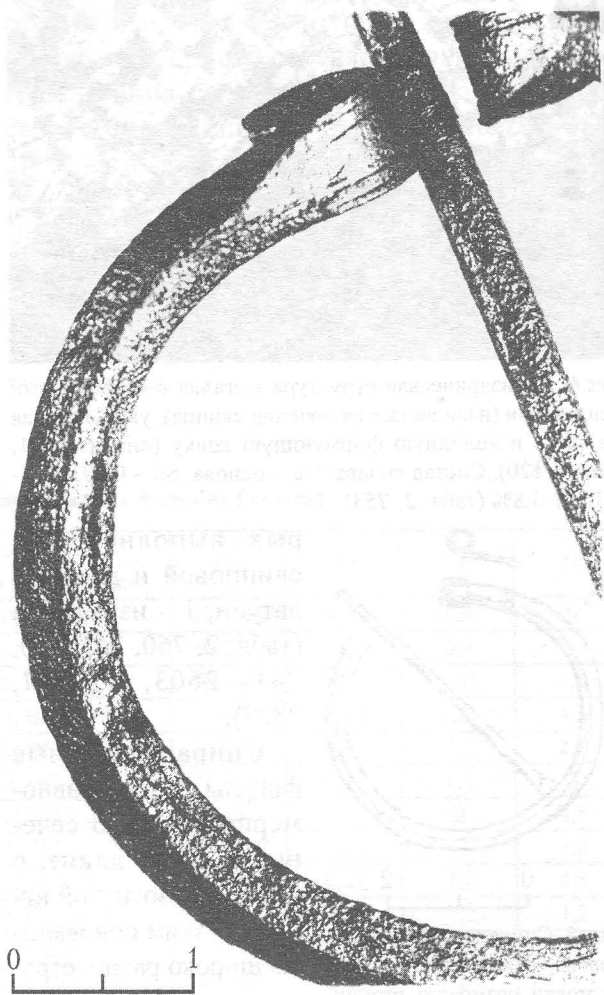

Рис. 9. Трещины краснотности, возникшие при деформации на дуге фибулы из кургана Ц-249/112 из-за повышенного содержания свинца в металле

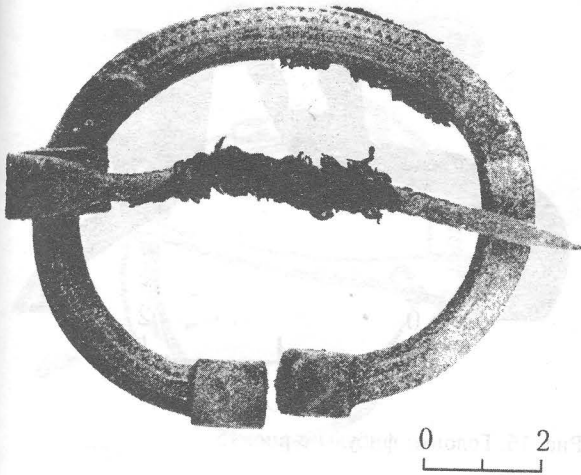

Рис. 10. Большая подковообразная фибула с многогранными головками и пуансонным орнаментом на дуге (раскопки Д.А.Авдусина. Музей МГУ. Гн-60, Л-95)

го сечения, получены в процессе литья (рис.10). На некоторых фибулах этой группы дуга разделяется двумя или тремя напускными пирамидками (рис.11). Вероятно, исходная модель украшений вырезалась из воска. Однако нельзя исключить их последующее копирование в глине и отливку в разъемных формах. Именно таким способом отлиты раннесредневековые подковообразные фибулы из Ирландии. Находки многочисленных фрагментов двусторонних литейных форм с отпечатками фибул с рельефными головками свидетельствуют о возможности такой реконструкции (Craddock, 1989. P. 183. Fig. 155; P.189. Fig. 177-178). Среди производственных отходов, обнаруженных при раскопках гнёздовского поселения, обнаружена бракованная отливка подковообразной фибулы с напускными бусинами (рис. 12). Наличие литейных швов подтверждает отливку в разъемную форму. Кроме того, сохранился фрагмент литка, подведенного к одной из напускных пирамидок (рис.13). Подобная конструкция литниковой системы указывает на то, что в одной форме получали несколько отливок, соединенных литниковыми каналами между собой и с литником.

У больших фибул с многогранными головками дуга иногда орна-

Рис.11. Фибула с многогранными головками и напускными пирамидками на дуге (раскопки Т.А.Пушкиной. Музей МГУ. Гн-73, ЦГ-VII/76)

Рис.12. Бракованная отливка фибулы с многогранными головками и напускными пирамидками на дуге (раскопки Т.А.Пушкиной. Музей МГУ. Гн-72, ЦГ-VI/10)

ментирована с помощью пуансонов, оставляющих треугольный или кружковый отпечатки. Примечательно, что одна из застежек и браслет JP 189, характерный для северных древностей, украшены в едином стиле и с помощью одинаковых чеканов (Сизов, 1902. Табл. I,17; Табл. V,16). Сходный декор характерен для голландских фибул с пирамидальными или воронковидными головками (Carlsson, 1988. S. 23).

Фибулы с многогранными головками принято относить к «интернациональным типам», характерным для мужского костюма Балтийского региона (Хвоцинская, 1999. С. 40). Их ареал охватывает северо-восточные и северо-западные регионы Древней Руси. Считается, что большая часть находок происходит из курганных могильников, однако отдельные экземпляры встречены в Новгороде, на Рюриковом и Сарском городищах

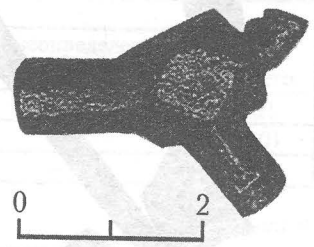

Рис.13. Бракованная отливка с остатками литника, подведенного к многограннику на дуге фибулы (раскопки Т.А.Пушкиной. ГИМ. Гн-70, ГС-3. Оп. 2539/80)

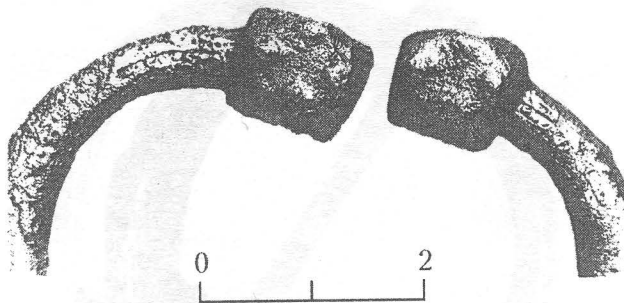

Рис. 14. Фибула с шипами на многогранных головках. Стертый рельеф указывает на литье по оттиску в разъемную форму (раскопки Е.В.Каменецкой. Музей МГУ. ПОль-11)

(Седова, 1981. С. 86; Носов, 1990. С. 123. Рис. 45, 3, 6, 7; Леонтьев, 1996. Рис. 72, 1, 5). Единичные находки представлены в материалах смоленско-полоцких длинных курганов (Енуков, 1990. С. 67). Один экземпляр обнаружен в черниговских курганах (Седнево. ГИМ. Оп. 794/64). Общая датировка украшений этого вида на территории Древней Руси – вторая половина X – начало XI в.

Фибулы с гранеными головками с шипами относятся к редкому типу находок. Из Гнёздова происходит единственный экземпляр с расплывчатым и стертым орнаментом, шипы на его головках едва различимы. Утрата основного элемента декора произошла в результате многократного копирования исходной модели или оттиска отливки низкого качества (рис. 14).

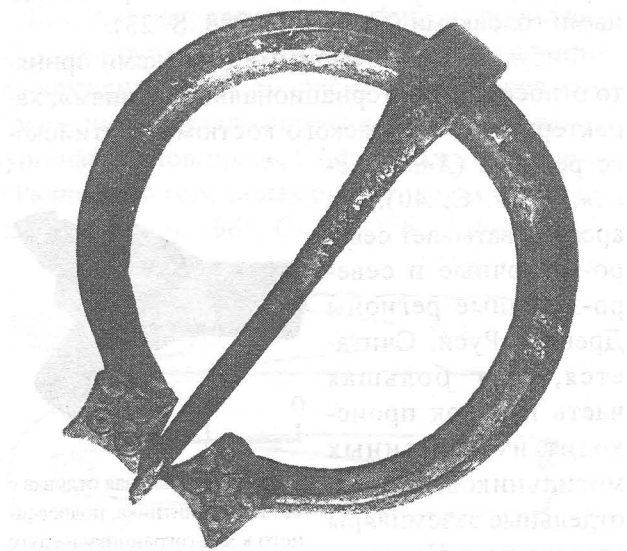

Рис.15. Фибула с воронковидными головками (раскопки Д.А.Авдусина. Музей МГУ. Гн-90, Ц-160)

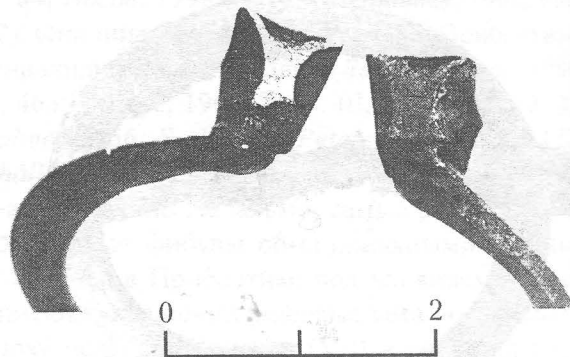

Рис. 16. Головки фибулы с рис. 15

На территории Руси фибулы с шипами найдены на Рюриковом городище, в курганах Приладожья и Ярославского Поволжья (*Хвоцинская*, 1999. С. 41. Рис 1, 13; *Бранденбург*, 1895. Табл. II, 1, 4, 16; *Фехнер*, 1963. Рис. 46, 25). Украшения этого вида концентрируются на территории Финляндии (*Salmo*, 1956. S. 36–43; *Kivikoski*, 1973. S. 95), менее представительны серии находок с материковой Швеции, Готланда и Аландских островов (*Thålin*, 1984. Taf. 53–56; *Carlsson*, 1988. S. 22; *Salmo*, 1956. S. 36–43).

Фибулы с воронкообразными головками (группа III). В гнёздовской коллекции есть 3 экземпляра с головками в виде усеченной перевернутой пирамидки, расположенными под прямым углом к дуге и несколько приподнятыми вверх (рис. 15, 16) (*Мальм*, 1967. С. 162). Н.В.Рындина установила, что сложная конструкция головок предполагала их отливку по восковой модели с потерей формы. Другой возможный способ изготовления – литье в пластичные составные формы с использованием предварительно отлитых головок на стерженьках (*Рындина*, 1963. С. 254–255). Головки фибул всегда украшены с помощью пуансона.

На территории Древней Руси фибулы с воронкообразными головками обнаружены в могильниках Ярославского Поволжья, Приладожья, а также во владимирских и новгородских курганах (*Мальм*, 1967. С. 162). В Новгороде подобный экземпляр происходит из слоев середины X в. (*Седова*, 1981. С. 86). Основная территория распространения этого вида – восточное побережье Балтики. Оттуда фибулы попали на Русь, в Финляндию, Швецию и на Готланд (*Мальм*, 1967. С. 162; *Carlsson*, 1988. S. 23).

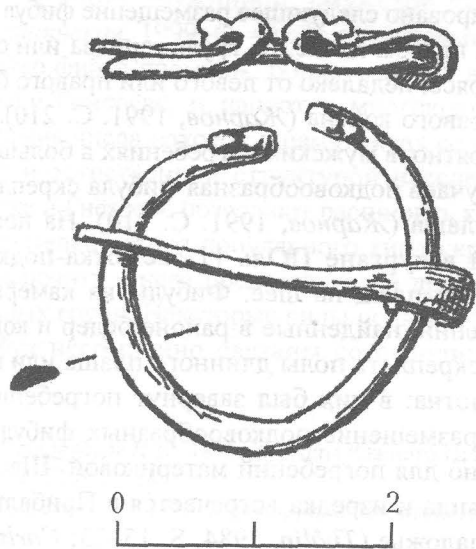

Рис.17. Фибула с зооморфными головками (раскопки Д.А.Авдусина. Музей МГУ. Гн-81, Ц-292)

Фибула с миниатюрными головками дракона на концах (группа IV), получена из литого прутка полукруглого сечения диаметром 3 мм с фигурными концами (рис. 17). Исходная модель с изогнутыми головками, вероятнее всего, была вырезана из воска.

Фибулы с зооморфными окончаниями происходят в основном с территории скандинавских стран, из Финляндии и Прибалтики, два экземпляра обнаружены в Новгороде (Седова, 1981. С.89). Точной аналогии гнёздовской застёжке не найдено. Наиболее близкие параллели обнаружены в материалах городища Тервете в Латвии, но они датируются более поздним временем (Brivkalne, 1974. Att. 3, 1–2).

Следует отметить поразительное сходство в составе металла фибул, найденных на огромной тер-

ритории. При сравнении результатов анализа становится очевидным, что к латунным сплавам относится подавляющее большинство образцов с Готланда (могильник Коппарсвик), из слоя поселений и могильников Латвии и Восточной Пруссии, курганов Приладожья и Ижорского плато и даже левобережья Днепра (Forshell, 1992. P. 62. Tab. 5, 4; Daiga, 1962. S. 62–63; Bezzenberger, 1904. S. 94–95; Известия..., 1884, Труды..., 1884. С. 60–87; Орлов, 1995. С. 50–51). Среди них представлены двойные и многокомпонентные латуни, но самым распространенным сплавом является свинцовая латунь. Из 59 подковообразных фибул новгородской выборки (X–XV вв.) 47 (80%) оказались латунными, причем для изделий из ранних слоев этот показатель составляет 100% (Коновалов, 1974. С. 89).

Приведенные выше данные показывают очевидную корреляцию между типом изделия и материалом изготовления. В.А.Мальм отмечала, что функциональное назначение подковообразных фибул определяло их конструкцию. Помимо головок-фиксаторов иглы, большое значение имели пружинные свойства дуги (Мальм, 1967. С. 151). Среди сплавов, известных средневековым мастерам, наилучшими пружинными свойствами обладали латуни. Это обстоятельство объясняет широкое применение медно-цинковых сплавов для производства фибул-подковок в мастерских памятников, удаленных друг от друга территориально и хронологически. Следует заметить также, что в X–XI вв. Готланд, Прибалтика, Северо-Запад Руси и Гнёздово входили в зону преимущественного распространения латунных сплавов (Коновалов, 1974. С. 72–73).

Большая часть гнёздовских подковообразных фибул происходит из комплексов погребений; менее трети от общего числа находок – из раскопок поселения (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение видов подковообразных фибул в курганах и на поселении

Типы памятников	Виды									Фибулы неопределенного сечения	Всего
	I.1	I.2	II.1	II.2	II.3	III.1	III.2	IV.1			
Поселение	11	13	3	2	–	–	–	–	–	2	31
Курганы	20	50	10	1	1	2	1	1	–	14	101
Случайные находки	–	4	1	–	–	–	–	–	–	–	6

Таблица 4

Соотношение видов подковообразных фибул в гнёздовских ингумациях и кремациях

Способ погребения	Виды									Фибулы неопределенного сечения	Всего
	I.1	I.2	II.1	II.2	II.3	III.1	III.2	IV.1			
Трупосожжение	16	38	8	1	–	1	–	–	–	12	77
Трупоположение	4	12	2	–	1	1	1	1	–	2	24

В табл. 4 суммированы сведения о количестве застежек-подковок различных видов в гнёздовских курганах. Преобладают находки из погребений, совершенных по обряду кремации (77 экз.). Кроме того, подковообразные фибулы найдены в 24 гнёздовских ингумациях.

В их число входят 5 женских погребений, 17 мужских и 2 детских. Именно эта малочисленная группа позволяет судить о размещении находок на костяке и реконструировать основные элементы погребальной одежды.

Из 5 женских погребений 2 были совершены в камере, а 3 – в могильной яме. В курганах ПОль-5, ПОль-27 и Ц-198 маленькие подковообразные фибулы располагались на шее погребенной. Они, вероятно, скрепляли ворот рубашки. В некоторых комплексах, как в ингумациях, так и в кремациях, проволочные застежки найдены вместе с овальными и круглыми фибулами (Ц-4, Ц-198, Ц-312/II, Серг.14/VII-1899). Основываясь на сочетании различных типов фибул в погребениях Бирки, И.Хэгг установила, что поверх рубашки в этих случаях надевались юбка на двух бретелях с овальными фибулами, а также шаль или туника, скрепленные круглой фибулой (Hägg, 1974. S. 94–100). Такая же одежда обнаружена в женских скандинавских погребениях Гнёздова. По подсчетам Ю.Э.Жарнова, маленькие проволочные экземпляры встречены в Гнёздове в 20 скандинавских женских погребениях и несомненно являются принадлежностью северного костюма. Миниатюрный скандинавский амулет-молоточек на одной из фибул служит дополнительным аргументом в их этнической атрибуции (рис. 1) Для славянского костюма, напротив, более характерны рубашки, ворот которых застегивался на пуговицы (Жарнов, 1991. С. 208–210).

В курганах Ц-290 и Ц-292 проволочные фибулы-подковы находились в верхней части грудной клетки. Они, вероятно, скрепляли концы шали. В последнем случае использовали не спиралеконечную фибулу, а украшение с головками в виде дракона.

Из 17 мужских ингумаций с подковообразными фибулами 13 были совершены в камерах и 4 – в могильных ямах. Для фибул, найденных в мужских погребениях, характерны большой диаметр дуги и большее разнообразие видов. Помимо спиралеконечных, в них встречены застежки с многогранными (Л-95, ПОль-11, Дн-4) и воронковидными головками (Ц-160). По наблюдениям Ю.Э.Жарнова, в мужских погребениях

зафиксировано следующее размещение фибул: на шее, на правом плече, на груди, справа или слева на поясе, недалеко от левого или правого бедра, у правого колена (Жарнов, 1991. С. 210).

Вероятно, в мужских погребениях в большинстве случаев подковообразная фибула скрепляла полы плаща (Жарнов, 1991. С. 210). На погребенном в кургане ПОль-11 застежка-подкова скрепляла плащ на шее. Фибулы из камерных погребений, найденные в районе бедер и колен, могли скреплять полы длинного плаща или концы полотна: в них был завернут погребенный. Такое размещение подковообразных фибул характерно для погребений материковой Швеции и Готланда и изредка встречается в Прибалтике и Приладожье (Thålin, 1984. S. 15–23; Carlsson, 1988. S. 85; Radinš, 1999. S. 92–93; Кочкуркина, Линеvский, 1985. С. 164–165).

Массивные подковообразные фибулы были найдены в двух могильных ямах с детскими захоронениями (Ц-241 и Ц-71), но их положение в погребении неопределимо.

Самые ранние гнёздовские экземпляры (5 фибул) происходят из комплексов первой половины X в. (Ц-2/I, Л-38 и Л-17). Среди них маленькие проволочные и большие спиралеконечные. В Скандинавии маленькие застежки, скрепляющие нижнюю женскую рубаху у горла, вошли в употребление в средний период викингов (конец IX – первая половина X в.) (Янссон, 1999. С. 24). В гнёздовских курганах позднего этапа (середина X – начало XI в.) обнаружено более 50 фибул всех типов (Жарнов, 1992. С. 129–135).

Заканчивая обзор гнёздовских подковообразных фибул, нам представляется любопытным сравнить количество их находок в Гнёздове и других памятниках эпохи становления Древнерусского государства. Так, на гнёздовском поселении найдена 31 фибула, на Сарском городище их 14, на Рюриковом – 45. Примерно в 1100 раскопанных гнёздовских курганах обнаружена 101 застежка, в таком же количестве захоронений Бирки их 94. Таким образом, процентное соотношение подковообразных фибул в курганах Бирки и Гнёздова практически совпадает. Из 464 курганов Тимерёва происходят 20 подковообразных фибул, а из 147 погребений Шестовиц – всего 3 экземпляра. Последние из упомянутых памятников часто называют дружинными некрополями (Петрухин, Пушкина, 1979. С. 105–108; Мельникова, Петрухин, 1986. С. 72–73). Вероятно, подковообразные фибулы не следует рассматривать как обязатель-

ный атрибут дружинной, «мужской культуры» (Хвоцинская, 1999. С. 49). Незначительное количество фибул-подковок, обнаруженных в Шестовице и Тимерёве, и, напротив, многократное увеличение числа находок в памятниках со стабильной и естественной структурой населения – в Бирке и Гнёздове позволяют расширить круг «потребителей» этого популярного типа украшений и включить в него представителей других социальных групп. Некоторые виды подковообразных фибул несомненно связаны со скандинавским

женским и мужским костюмом. Находки маленьких проволочных экземпляров и фибул с гранеными головками и напускными пирамидками на дуге в погребениях и на поселениях, вероятно, можно рассматривать как индикаторы присутствия выходцев из Северной Европы. Две бракованные застёжки последней группы, обнаруженные на Центральном городище и в западной части селища, являются убедительным свидетельством гнёздовского производства этого редкого для древнерусских памятников типа фибул.

Литература

- Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. СПб. № 18.
- Блитель Д. И., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Вайткунскене Л., 1980. К вопросу о балтско-славянских культурных отношениях в IX–XIII вв. // Raports du III-e Congress International Archeologie Slav. Bratislava. T.2.
- Григорьев А.В., 1990. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
- Давидан О.И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладогe // АСГЭ. Л. Вып. 28.
- Енуков В.В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.
- Жарнов Ю.Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово. М.
- Жарнов Ю.Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Жарнов Ю.Э., 1998. Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Известия Русского археологического общества, 1884. СПб. Т. X, бюл. 1, вып. 1.
- Коновалов А.А., 1974. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Кочуркина С.И., Линецкий А.М., 1985. Курганы летописной веси. Л.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.
- Мальм В.А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Труды ГИМ. М. Вып. 43: Очерки по истории русской деревни.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1986. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. № 5.
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково городище). Л.
- Орлов Р.С., 1995. Ювелірні прикраси Новгород-Сіверської землі // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернівці.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А., 1979. К предыстории древнерусского города // История СССР. № 4.
- Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. Вып. 117: Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. М. Т. III.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.
- Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии // МАР. СПб. № 28, вып. 1.
- Спицын А.А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. СПб. Вып. 15.
- Труды Комиссии по производству химико-технологических анализов древних бронз, 1884. СПб. Бюл. 1, вып. 2.
- Фехнер М.В., 1963. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье в X–XI веках. М.
- Хвоцинская Н.В., 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Шноре Э.Д., 1961. Асотское городище. Рига.
- Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Bezenberger A., 1904. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussen. Königsberg
- Brivkalne E., 1974. Tārvetes saktas // Archeoloģija un Etnogrāfija. Rīga. XI.
- Capelle T., 1968. Der Metallschmuck von Haithabu. Studien zur wikingischen Metallkunst // Die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Vol. 5.
- Carlsson A., 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland // Thirteen Stockholm studies in archaeology. Stockholm.
- Craddock P.T., 1989. Metalworking techniques // «The work of Angels». Masterpieces of Celtic metalwork, 6th–9th centuries A.D. L.
- Daiga I., 1962. Krāsaino metalu kimiskais sastāvs Latvija 6–13 gs // Archeoloģija un Etnogrāfija. Rīga. IV.
- Forsell H., 1992. The inception of copper mining in Falun // Arkeologiska Forskningslaboratoriet. Stockholm.
- Hägglund I., 1974. Kvinnodräken i Birka // AUN. Uppsala. 2.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Petersen J., 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Radins A., 1999. Gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un autrumlatvijas etniskās, sociālās und politiskās vēstures jautājumi. Rīga.
- Salmo H., 1956. Finnische hufeisenfibeln // Finska fornminnesföreningens. Tidskrift. Helsinki. 56.
- Thälén H., 1984. Ringspangen // Birka II:I. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Untracht O., 1987. Jewelry concept and technology. L.